Глава 1054: Возвращение Попа

Ортодоксальная Академия была одной из Шести Плющей и обладала невероятно длинной историей. Она процветала до невероятных высот в столице в течение некоторого времени.

Двадцать лет назад в Ортодоксальной Академии имел место кровавый инцидент, в результате которого погибли бесчисленные учителя и ученики. С того дня Ортодоксальная Академия стала кладбищем, постепенно растворяясь в потоке истории. Те люди столицы, которые все еще помнили, не смели упоминать это.

Только когда Чэнь Чаншэн вышел из Деревни Синин в столицу, Ортодоксальная Академия снова появилась в мире.

К тому же, случился переворот Мавзолея Книг.

Статус Ортодоксальной Академии сейчас был очень особенным.

Как Имперский Двор, так и Дворец Ли невероятно хорошо относились к Ортодоксальной Академии.

В это место глубоко в Аллее Сотни Цветений тек нескончаемый поток всевозможных ресурсов.

Ортодоксальная Академия за три коротких года вернула свое былое величие, и ее статус начал превосходить другие Академии Плюща и был наравне с Академией Небесного Дао. Иначе, почему бы эти учителя и студенты, которые однажды сбежали, тратили бы столько сил на попытки вернуться?

Историю всегда писали победители, а слава всегда принадлежала тому человеку, который стоял на самой вершине Мавзолея Книг.

Ортодоксальная Академия возродилась и вернула свою славу благодаря Чэнь Чаншэну. Он все еще удерживал пост Директора Ортодоксальной Академии. Но многие люди считали, что Ортодоксальная Академия все еще была Ортодоксальной Академий Шан Синчжоу.

Величие Ортодоксальной Академии в Великом Испытании и Мавзолее Книг многие тоже приписывали Шан Синчжоу.

Потому что Шан Синчжоу был самым важным и влиятельным директором в истории Ортодоксальной Академии.

А Чэнь Чаншэн был его учеником.

Его путешествие из Синин в столицу, его поступление в Ортодоксальную Академию, и все остальное тоже было распоряжениями Шан Синчжоу.

Это была исключительная родословная.

Ученые Имперского Двора написали всевозможные эссе об этом.

Департамент Духовного Образования даже собирался установить стелу за вратами академии с записью этого периода истории.

Для консервативной фракции Ортодоксии это было просто возвращение к основам.

Для Ортодоксальной Академии это несомненно было эрозией.

Если бы не стойкая защита Су Моюя, если бы не нескончаемая бдительность Дворца Ли, если бы не определенные ограничения, наложенные Мао Цююем на Департамент Духовного Образования перед началом уединения, возможно, отметины, оставленные Чэнь Чаншэном на академии, уже были бы стерты.

В это время Чэнь Чаншэн вернулся в столицу.

Рука, которую Департамент Духовного Образования протянул в Ортодоксальную Академию, была спокойно отрезана Сюй Южун.

Танг Тридцать Шесть сделал заявление столице и всему континенту.

Оно было настолько же сильным, как удар грома, взрываясь в снежной буре и быстро распространяясь в каждый уголок столицы.

Ортодоксальная Академия чисто и решительно отрезала себя от старой Ортодоксальной Академии.

Услышав эти новости, фракция пацифистов, надеющаяся, что Шан Синчжоу и Чэнь Чаншэн помирятся, была глубоко разочарована. Те амбициозные индивиды, которые надеялись увидеть стычки учителя и ученика, и даже надеялись получить какую-то выгоду для себя в конфликте, тоже были глубоко шокированы.

Потому что у Ортодоксальной Академии была слишком твердая позиция.

Это можно было критиковать, как непонимание принципа уважения своего учителя, и что они зашли так далеко, что критиковали своих учителей и предавали своих предков.

Но каким человеком был Танг Тридцать Шесть?

В свои месяцы внутри холла предков он начал составлять холодный и коварный план, чтобы перевернуть весь клан Танг.

Ему было просто все равно.

Что насчет того, мог ли он принимать решение за Ортодоксальную Академию, мог ли он принимать решение за Чэнь Чаншэна, это уже был другой вопрос.

Многие люди верили, что это всегда было намерением Чэнь Чаншэна.

.....

.....

Чэнь Чаншэн не знал, что Танг Тридцать Шесть скажет такие вещи, когда он покинет Ортодоксальную Академию. У него тоже не было таких намерений, потому что он просто не мог представить, какой эффект владение Ортодоксальной Академией окажет на ситуацию.

Но узнав об этом, он не был удивлен, и определенно не возражал.

Он и Танг Тридцать Шесть заранее обсуждали это, но в прошлые несколько лет, будь это у озера или большого баньяна, они много раз говорили, обсуждали слишком много вариантов

развития будущего. В каждом будущем, которое они очертили, Ортодоксальная Академия была в них всех.

И он также знал, что Танг Тридцать Шесть помогал ему принять выбор.

Сюй Южун, убивая Епископа Мэй Чуаня в Ортодоксальной Академии, тоже помогала ему сделать выбор.

Сделать выбор было одной из самых трудных и болезненных задач в мире.

Сюй Южун и Танг Тридцать Шесть были двумя ближайшими к нему людьми под звездным небом.

Они знали, о чем он думал, так что хотели разделить эту боль.

Однако, когда он думал о словах Мо Юй прошлой ночи, Чэнь Чаншэн чувствовал себя растроганно и удрученно.

Удрученность часто влияла на собственный аппетит.

Еда на тарелке была привлекательной как во внешнем виде, так и в запахе, но была безвкусной на язык.

Он отложил палочки для еды.

«Были ли грибы с ароматом цветов не хороши?»

Прекрасная женщина нервно спросила: «На кухне также есть суп с фрикадельками. Желает ли Ваше Святейшество попробовать?»

У Сюэ Ецзиня было довольно нервное выражение лица.

Женщина была старшей дочерью Сюэ Синчуаня, старшей сестрой Сюэ Ецзиня.

После смерти Сюэ Синчуаня она была избита жаждущим власти мужем, Помощником Министра Вэем, после чего временно вернулась в Поместье Сюэ.

С того дня, когда ветер и снег окутали улицы столицы, Помощник Министра Вэй был обезглавлен Ван По и Чэнь Чаншэном.

Она провела последние несколько лет, живя в Поместье Сюэ. От ее былой утонченности ничего не осталось, и этот факт был с легкостью подтвержден ее тканевыми одеяниями и тонкими мозолями на пальцах.

В глазах других такая трансформация могла вызвать сердечную боль и грусть, но Чэнь Чаншэн находил их довольно приятными.

Ему нравились люди, которые жили серьезно, нравились люди, которые никогда не впадали в депрессию, несмотря на обстоятельства, в которых они были.

«Они были очень хороши, - он искренне сказал, - у супа тоже очень хороший вкус, но я сегодня о многом думаю, так что мои мысли забрели вдаль».

При этих словах Леди Сюэ и Сюэ Ецзинь улыбнулись.

Мадам Сюэ не улыбнулась, потому что знала, что случилось в Ортодоксальной Академии. Она также знала, что Чэнь Чаншэн определенно столкнется со множеством проблем при возвращении в Ортодоксальную Академию. Она немного беспокойно сказала: «У Вашего Святейшества есть много важных дел, так что не стоит приходить и тратить на нас время. Это и правда излишне».

«И правда многое должно быть сделано».

Чэнь Чаншэн оценил расположение солнца, после чего встал и попрощался.

Три человека клана Сюэ не смели задерживать его, поспешно выпровождая его.

Старый слуга и служанка ждали у врат поместья с самым уважительным отношением.

Это были единственные слуги Поместья Сюэ на данный момент. Они и три члена клана Сюэ сейчас жили в самом маленьком внутреннем дворе, в восточной части территории поместья.

Имперский Двор никогда не издавал указ, заявляющий о реапроприации поместья клана Сюэ, но несколько принцев все время присматривали за ним.

Чэнь Чаншэн смотрел на десяток принцевых поместий, выстроившихся вдоль улицы, думая об этих вещах.

Приближалась тьма, но все эти поместья необъяснимо открыли свои врата.

Свет, изливающий изнутри, сиял на дрейфующие снежинки, из-за чего они казались похожи на прекрасные золотые искры.

Чэнь Чаншэн шел сквозь снежную бурю.

Он слышал от Чжэсю и Мо Юй, что Чжоу Тун полз именно по этой улице.

В ту ночь, как бы Чжоу Тун не вопил и не просил пощады, никто не вышел из принцевых поместий, чтобы спасти его.

Даже если он уже был не собакой Божественной Императрицы Тяньхай, а собакой Шан Синчжоу.

В этот миг вся столица знала, что Чэнь Чаншэн вошел в Поместье Сюэ. Эти принцы, естественно, тоже знали.

Станут ли они предпринимать что-то?

Ни один из них не выходил, ни один из них не издавал звуков.

Покрытая снегом улица была абсолютно умиротворенной. Все было в мире.

Когда он прошел мимо ярко зажженных принцевых поместий, он прибыл на обычную улицу.

Вдоль улицы были выстроены толпы обычных людей.

Все люди столицы были верующими Ортодоксии. Завидев его, они быстро кланялись, как волна.

Рядом с ним не было священников или всадников, сопровождающих его. Не было ассистентов или святой повозки.

Он шел вперед один.

Когда он проходил мимо, люди кланялись, прося благословения.

Черная волна продолжалась вдоль улицы, пока наконец-то не потопила те известные каменные столбы.

Чэнь Чаншэн встал перед каменными колоннами, задумчиво глядя на те величественные, грандиозные и святые дворцы.

Вдруг глубоко среди тех дворцов прозвенел колокол.

Потому что Поп вернулся.

http://tl.rulate.ru/book/1222/330462